

Алексей Калугин

Серезжик

*Часть сборника
Не сотвори себе врага (сборник)*

Алексей Калугин

Серезик

«ЭКСМО»

2000

Калугин А. А.

Сережик / А. А. Калугин — «Эксмо», 2000

Раздавленного неудачами писателя друг силком усаживает в машину и увозит в глухую деревню Никитино. Простая деревенская жизнь, природа — все это поможет стряхнуть с плеч груз проблем и забот. Писатель полюбит эти края. Трогательные, почти отцовские чувства возникнут у него к парню, которого в двадцать четыре года местные жители все ещё продолжают называть Сережиком. А еще они считают его колдуном...

© Калугин А. А., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Алексей Калугин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алексей Калугин СЕРЕЖИК

Деревня называлась Никитино. В одном только Подмоскowie найдется, должно быть, еще с десятков ничем не примечательных деревень с таким же названием. Неширокий грунтовый проселок с тремя десятками одноэтажных рубленых домов по обеим сторонам. Пятью километрами дальше – другая деревня, побольше, с клубом и библиотекой. Впервые меня привез сюда три года назад мой приятель Георгий.

Тот год был для меня одним из самых неудачных. Если бы представилась такая возможность, я с удовольствием вычеркнул бы его из жизни, отдав в придачу еще пару-тройку других. Личные проблемы, неудачи в работе, сложности с жильем плюс еще целая куча мелких, как комары, и таких же раздражающих, не дающих вечером спокойно уснуть вопросов – все это наслаивалось одно на другое, спрессовывалось в плотный ком, превращаясь в неподъемной тяжести монолит, к которому страшно было даже подступаться.

Вот именно тогда, вдосталь насмотревшись на мое пришибленное, полуобморочное состояние, которое у нормального человека не могло вызвать иного чувства, кроме отвращения, Георгий, не обращая внимания на мои вялые протесты, покидал в рюкзак первые попавшиеся ему под руку вещи из моего стенного шкафа и почти силой усадил меня в машину.

– Ты так совсем свихнешься, – увещевал меня Георгий, пока я бестолково глазел через открытое окно на проносящуюся мимо неистовую зелень и безоблачное голубое небо, вгоняющее меня в еще большую депрессию. – Или запьешь. Не берусь судить, что лучше, но, поверь моему слову, так оно и будет... Тебе нужно отдохнуть, расслабиться.

– Куда ты меня везешь? – вяло, без особого интереса осведомился я.

– Далеко, – не стал вдаваться в подробности Георгий. – Один, без машины, не выберешься. Это как раз то, что тебе нужно, – пасторальные пейзажи и патриархальный уклад жизни.

Вот именно этого-то я и терпеть не мог. Единственной приемлемой средой обитания для меня всегда была городская квартира со всеми удобствами, и поэтому я с самого начала не ожидал от этой поездки ничего хорошего.

Георгий же был уверен, что все, понравившееся ему, должно приводить в восторг и всех окружающих. Всю дорогу с неослабевающим энтузиазмом он живописал ожидающие меня красоты природы.

Наконец мы прибыли на место. Георгий остановился у третьего от начала деревни дома, посигналил и вышел из машины.

Через минуту на крыльце показался невысокий пожилой мужчина.

– День добрый, Петрович! – радостно отсалютовал ему Георгий.

– Здравствуйтесь, здравствуйтесь.

Мужчина неспешно спустился с крыльца.

– Примешь постояльца, Петрович? – кивнул в мою сторону Георгий.

Петрович насупил брови и поскреб пятерней затылок.

– Надолго? – с мрачным видом поинтересовался он.

– Да как придется, – заискивающе улыбнулся Георгий. – На недельку-другую...

Петрович обреченно вздохнул.

– Извини, Георгий, никак не могу. Гости у меня. Племянник с семьей приехал из Ангарска. Вот если попозже, в конце лета...

– Да нет, нам бы прямо сейчас.

– Так что ж, дворов-то много.

– Может, кого посоветуешь?

– Да хоть к бабе Кате. Дом у нее большой, а живут они вдвоем: она да Сережик. Машину-то здесь оставьте, огородами пройдите, так ближе будет.

Георгий вытащил меня из машины и водрузил мне на спину мой же рюкзак. Втроем мы, двигаясь задними дворами, миновали два дома и вышли к третьему, давно не крашенному, покосившемуся, вросшему в землю почти по самые окна, но еще крепкому и вполне пригодному для жилья дому. Проходя мимо распахнутого окна, Петрович постучал по стеклу и крикнул:

– Катерина, принимай гостей!

Обогнув дом, мы вышли к крыльцу из трех ступенек, возле которого нас уже ждала маленькая, сухонькая старушка с веселыми глазками невероятной голубизны. Глядя в эти глаза, можно было решить, что обладательнице их ни разу за всю ее долгую жизнь не доводилось плакать. Одета она была в темное, далеко не новое, но чистое и тщательно выглаженное платье с таким же темным передником, голову покрывал простенький беленький платочек.

– Что за гости такие у меня? – приветливо улыбалась нам баба Катя.

– Пусти жильца, Катерина, недельки на две.

– Да хоть на все лето, терраска все одно пустая стоит.

Так я попал в деревню Никитино, в дом бабы Кати, где, вопреки всем ожиданиям и к искреннему удивлению, нашел покой и забвение от всех своих забот.

Наверное, это было похоже на глубокий, целительный сон после продолжительной болезни, после долгих ночей, наполненных кошмарами бессонницы, сон, в котором существуешь, подчиняясь только тем правилам, которые сам же и придумал, забыв ненадолго о том, что есть другая, реальная жизнь.

Баба Катя поселила меня в маленькой комнатке-пристройке, которую она называла терраской. В комнате стоял узкий диван с двумя откидывающимися валиками и высокой спинкой, столик, сколоченный из двух досок, покрытый клеенкой, и этажерка со старыми журналами «Огонек» и брошюрами по кролиководству.

– Сколько? – спросил я, бросив рюкзак на диван.

– Что «сколько»? – не поняла баба Катя.

– Сколько платить?

– Да сколько ни заплатите, – беззаботно махнула ладошкой баба Катя. – Все одно терраска пустая стоит все лето. Мы здесь только варенья да соленья на зиму ставим. Холодно потому что здесь зимой.

Баба Катя сама предложила мне есть вместе с ними то, что она готовит себе и Сережику. Я согласился и с тех пор только ходил в сельмаг, закупая то, что она велела.

Первые три дня я медленно, но верно выходил из скрутившего меня ступора. Я ничего не делал, с утра до вечера сидел на крыльце и молча кивал головой местным жителям, ни один из которых, проходя мимо, не забывал со мной поздороваться. На четвертый день я пошел в сельмаг, купил две тонкие ученические тетрадки и авторучку. Вернувшись, я сел на свою любимую ступеньку и начал писать.

Писалось на удивление легко и свободно, чего давно уже со мной не случалось. К вечеру я исписал обе тетрадки, заложив хорошее начало для повести, над которой я больше месяца безуспешно бился в Москве.

Живший вместе с бабой Катей Сережик приходился ей внучатым племянником. Мать его, племянница бабы Кати, уехала с мужем на заработки, временно, как тогда полагала. Сережика же, которому тогда было только два с небольшим года, оставила своей бездетной тетке. Уехали да так и не вернулись. А Сережик рос при бабе Кате. Сейчас ему было уже двадцать четыре года. Это был высокий, крепко сложенный русоволосый парень с такими же, как у бабы Кати, пронзительно голубыми глазами. Но вследствие какой-то болезни, на которую в детстве

не обратили внимания, уровень умственного развития Сережика едва дотягивал до двенадцатилетнего школьника. Он вовсе не был идиотом; очень здраво рассуждал о предметах, которые вызывали у него интерес, всегда аккуратно и добросовестно выполнял поручаемую работу. Вот только многие из тех вещей, которые, казалось бы, должны были интересовать молодого человека его возраста, для Сережика просто не существовали. Он как будто жил внутри раковины, где находился его собственный, потаенный мир, о котором он никому не рассказывал, и выглядывал наружу только в случае крайней необходимости.

Какой-либо постоянной работы Сережик не имел, перебиваясь поденщиной. Он помогал соседям вскапывать огороды, копать картошку, обирать с ботвы колорадских жуков, иногда убирал навоз на ферме или пас деревенский скот.

Петрович, имевший собственную небольшую пасеку, пытался пристроить Сережика к ульям, обещая регулярно выплачивать зарплату не деньгами, так медом, но, походив пару дней за пчелами, Сережик потерял к этому делу всякий интерес и, честно предупредив Петровича о том, что бросает работу, на пасеке больше не появлялся.

Насколько я мог заметить, газет и журналов Сережик в руки не брал, зато книги читал за поем. Каждую неделю в среду, даже если лил нескончаемый дождь и дорога, полускрытая водой, превращалась в жидкую хлябь, Сережик садился на велосипед и ехал в библиотеку менять книги.

Заинтересовавшись этим Сережиковым пристрастием, я как-то раз сам дошел до соседней деревни и, зайдя в библиотеку, попросил работавшую там девушку показать мне список книг, которые берет читать Сережик. Молоденькая библиотекарша густо покраснела. Глаза ее быстро забегали по моей майке, надпись на которой вопрошала: «Рок-н-ролл мертв?»

– Ой, вы знаете, я даже не записываю за ним, – едва слышно залепетала она. – Он очень аккуратный и всегда возвращает книги в срок.

Должно быть, по причине того, что прежде к ней никто с такими вопросами не обращался, она приняла меня за ревизора или за какое иное высокое начальство.

Я поспешил успокоить ее, заверив, что не вынашиваю никаких коварных замыслов, а просто хочу узнать, что любит читать Сережик, чтобы приобрести ему в подарок соответствующую книгу.

Девушка немного приободрилась.

– Ой, да вы знаете, он перечитал все, что у нас есть! Наверное, уже по третьему кругу пошел!

В деревне Сережика никто не обижал и не дразнил, даже ребяташки, которые, бывает, творят зло походя, с детской непосредственностью, даже не задумываясь о последствиях содеянного. Как мне показалось, его даже немного побаивались. Я относил это на счет исторической памяти народа, верящего в некие мистические способности убогих и юродивых.

Вскоре это мое предположение получило подтверждение.

Сельмаг в деревне работал по довольно-таки своеобразному графику, и покупателям, тем, которые приходили, доверившись вывеске с указанием часов работы, порой приходилось изрядно потомиться перед закрытой дверью, дожидаясь прихода продавщицы по имени Алевтина, женщины дородной, а потому основательной и неторопливой.

На пятый или шестой день своего пребывания в Никитино я пришел в сельмаг со списком продуктов, составленным для меня бабой Катей. Подергав для верности запертую дверь, я обошел магазин сбоку, чтобы попытаться укрыться от палящего полуденного солнца в узкой полоске тени, отбрасываемой скатом крыши. Там уже сидела, обмахиваясь платком, женщина, у которой баба Катя брала для меня молоко. Я поздоровался и сел рядом. Мы обменялись парой обычной в таких случаях фраз, посетовали на нестерпимую жару да на вечно опаздывающую Алевтину. И вдруг моя собеседница сняла с колен свою клетчатую сумку, повернулась всем корпусом в мою сторону и без всякой связи с предыдущим очень серьезно произнесла:

– Вы Сережика-то не обижайте.

– Да ну, что вы!..

– Сережик – он парень хороший, добрый, – продолжала она, как будто даже и не заметив моего возмущенного восклицания. – Но знает он слова заветные, а поскольку умишка у него маловато, то и пользуется ими бестолково. У нас, почитай, каждая баба в округе как забеременеет, так к Сережику бежит. Сережик точно скажет и когда родить ей, и кто родится – мальчик или девочка. Но вот если обидится Сережик на кого, то может беды наделать. Не со зла, а по неразумению.

Женщина так увлеклась рассказом, что даже обмахиваться перестала.

– И каких же бед может понаделать Сережик? – спросил я.

– За других говорить не стану, но могу рассказать, что со мной приключилось. – Женщина сделала артистичную паузу, чтобы убедиться в том, что слушаю я ее с предельным вниманием. – Два года назад это было, в конце осени, как раз после октябрьских праздников. Сижу я в хлеву, дою Ленку – корову мою так звать. Вдруг заходит Сережик и говорит: «Тетка Наталья, дай молочка парного попить». Любит он парное молочко, а я ему никогда и не отказываю. И в этот раз хотела налить, потянулась за кружкой, да весь подойник на землю и опрокинула. Обидно мне стало, жалко молока. «Все из-за тебя, бестолочь проклятая! – кричу на Сережика. – Лезешь под руку! Уходи, не будет тебе никакого молока!» Не знаю уж, на что он сильнее обиделся – на то, что я его бестолочью назвала, или что молока дать отказалась, – только сильно обиделся. «Ладно, – говорит, – я уйду, да только и тебе молока больше не будет». Спокойно так сказал, без злобы. А после развернулся и вышел. И что вы думаете, на следующий день занемогла моя Ленка! С виду-то она вроде как здоровая – ест хорошо, не плачет, ни на что не жалуется, а только как сяду я ее доить, так из вымени течет не молоко, а дрянь какая-то вонючая, вроде как простокваша с гноем. Три недели так прошли. Ветеринар с фермы приходил Ленку посмотреть. Головой покачал, какие-то мази назначил, да только все без толку оказалось. Тогда пошла я в магазин, купила кило шоколадных конфет и – к Сережику. «Прости, – говорю, – Сережик, если я невзначай тебя чем обидела. А как Ленка выздоровеет, приходи молочко пить, никогда отказа тебе не будет». Сережик из всего пакета только одну конфетку-то и взял. «Спасибо, – говорит, – тетка Наталья. Прости и ты меня: если я тебя и обидел, так не со зла. И желаю твоей коровке поскорее поправляться». И, скажи на милость, на следующий же день у Ленки из вымени чистое молоко пошло, как и прежде!

Закончив рассказ, женщина умолкла. При этом она смотрела на меня, не отводя глаз в сторону и даже не моргая.

Выслушать подобную историю от живого свидетеля мне довелось впервые, поэтому я не знал, какой реакции ждет от меня рассказчица. Чувствуя, что пауза затягивается, я не нашел ничего лучшего, как только с наисерьезнейшим видом спросить:

– А где же научился Сережик таким фокусам?

– Это история давняя... – начала было моя собеседница, но в этот момент забряцали ключи и раздался зычный голос Алевтины:

– Ну что, нет никого, что ли? Зря я, что ли, пришла?

Тетка Наталья проворно вскочила на ноги, схватила свою сумку и заговорщицки шепнула мне:

– В другой раз доскажу. – Кинулась на зов. – Алевтина, сахар-то будешь продавать?!

Да, когда напоминает о себе суровая правда жизни, места для тайн и чудес не остается...

Вернувшись домой, я пересказал только что услышанную историю бабе Кате.

Та в ответ только рассмеялась и замахала на меня ладошками, словно отгоняя надоедливую мошкарку.

– Слышала, слышала я эти сказки. Чего только народ не напридумывает! А все от того, – баба Катя назидательно подняла тоненький указательный пальчик, – что так уж повелось: в

каждой деревне должен быть свой колдун или какой другой ведьмак. – Баба Катя снова немного посмеялась. – Был у нас прежде Филипп Матвеевич. Жил он на самом краю, у леса. Вот он действительно удивительным человеком был. Все травы в лесу знал да приметы разные. Погоду предсказывал лучше радио. Зубную боль заговаривал, от головной боли отвар давал, гнойники-чирии-бородавки разные сводил... У Петрова Ленки, помнится, как-то раз так живот прихватило, что несчастный скрючился весь, разогнуться не мог. Пришел Филипп Матвеевич, живот Ленке пальцами помял, пошептал на ухо что-то, и – как рукой все сняло! Бывало, что и бабам рожать помогал. Ну, само собой, его иначе как Филиппом-колдуном никто и не называл... Когда он не слышал, конечно... Уважали его, но и дивились на чудачества его разные. В ясную лунную ночь мог выйти Филипп Матвеевич к речке да песню затянуть. Громко поет, звонко, а звуки ночью по воде далеко разносятся. И песни пел все какие-то странные, не наши. Если прислушаться, то и не поймешь: то ли слова какие чужие, то ли и не слова это вовсе, а вздохи да стоны из души рвутся... А зимой, бывало, выйдет на улицу босой, раздетый, в одних подштанниках, и начнет вместе с ребятней с горки ледяной кататься... Жил Филипп Матвеевич один, без семьи, поэтому, должно быть, и привязался к Сережику, когда тот повадился к нему ходить. Последние полгода Филипп Матвеевич Сережика от себя и вовсе не отпускал, везде вместе ходили: вместе в лес, вместе на реку, вместе по дворам к хворым, вместе песни свои чудные пели... А после пропал Филипп Матвеевич.

– Как так пропал? – удивился я.

– Да вот так и пропал, – развела руками баба Катя. – Был человек – и не стало. Поначалу-то никто не забеспокоился – Филипп Матвеевич, бывало, по несколько дней в лесу ночевал, – только через неделю хватились да искать начали. Да так ничего и не нашли, хотя и милиция с собакой из райцентра приезжала. А Сережик сказал, что Филипп Матвеевич ушел. Ушел надолго. А куда ушел, про то велел никому не говорить. Вот после этого бабы наши и начали болтать о том, что, прежде чем уйти, наш деревенский колдун всю силу свою Сережику оставил. Вот и вся недолга.

– Так, значит, не было никакой истории с коровой? – немного разочарованно спросил я.

– Почему же не было? – лукаво улыбнулась баба Катя. – Была. Заболела у Натальи корова, поболела да и выздоровела потом. Вот и вся история.

– А при чем здесь Сережик? – не понял я.

– А мне почем знать? – пожала плечами баба Катя. – Болтают что кому не лень...

– А про то, что, говорят, он пол будущих детей угадывать может? Тоже пустая болтовня?

– Как же, предсказывает! – Баба Катя едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться над простодушным горожанином. – Прибежит баба, которой рожать приспело, к нашему крыльцу, за живот держится и кричит: «Сережик! Кого мне родить предстоит?» А Сережик и отвечает ей первое, что в голову взбредет: «Мальца родишь» или: «Девчонка у тебя будет». Баба довольная домой убегает, а ежели после родов окажется, что Сережиково «предсказание» сбылось, то раструбит об этом на всю округу. Ну а ежели не сбылось, так смолчит. Или соврет, что именно так Сережик и говорил.

Честно признаться, я был несколько удивлен столь рациональным мышлением деревенской старушки.

Кстати, в доме у бабы Кати отсутствовали иконы. Хотя в других деревенских домах, куда мне доводилось заходить, они красовались в красных углах, а также в сервантах среди рюмок и чайной посуды, где были уже не предметами религиозного культа, а ставшей привычной частью интерьера и в какой-то мере, наверное, просто данью традициям.

Не было в доме у бабы Кати и фотографий родственников на стенах. Единственным украшением являлись большие деревянные часы-ходики с кукушкой и гирьками-шишечками.

– Баба Катя, а вы в бога верите? – спросил я.

– Раньше верила, да вся изверилась.

– А что так?

– Слишком много в мире зла да несправедливости, – задумчиво произнесла баба Катя. – Если и в самом деле какой-то там бог этот мир сотворил, так, значит, совсем не тот, к которому нас в церквах призывают.

Баба Катя встала и поправила на голове платок.

– Ты только Сережику бабские сказки не пересказывай, – предупредила она меня.

– А что, он так-таки ничему у вашего колдуна и не научился? – спросил я с затаенной надеждой, не желая терять веру в возможное чудо.

– Может, чему и научился бы, если бы умишка побольше было. А так... – Баба Катя только рукой махнула. – Уж я-то своего Сережика лучше других знаю.

После обеда я, как обычно, пристроился на крыльце, разложив на коленке тетрадь.

Из дома вышел Сережик.

Обойдя меня, он остановился невдалеке, с деликатным молчанием ожидая, когда я сам обращу на него внимание.

– Как дела, Сережик? – приветливо улыбнулся я.

– Извини, я не хотел тебе мешать. – Сережик смущенно ковырнул носком землю.

Он со всеми в деревне был на «ты».

– Да ничего страшного. – Я отложил тетрадь в сторону.

– Ты всегда пишешь на коленке? – спросил Сережик.

– Нет, обычно печатаю на машинке. Просто в этот раз я ее дома оставил. Она у меня старая, большая, почти неподъемная.

Сережик с пониманием кивнул.

– Ты давно уже пишешь? – задал он новый вопрос.

– Ну, можно сказать, почти всю жизнь, – ответил я. – Хотя и другими делами приходилось заниматься.

– Хорошо платят? – Подражая взрослым мужчинам, Сережик серьезно сдвинул брови.

– Да не так чтобы очень, – усмехнулся я. – В других местах можно и больше заработать.

Но мне это занятие нравится.

– А что именно тебе в нем нравится?

Этот вопрос заставил меня задуматься.

– Это похоже на игру. Я придумываю мир, который живет по моим правилам. В нем я повелитель и могу делать все, что сочту нужным.

– А как же люди?

– Какие люди? – не понял я.

– Люди, которые живут в твоём мире, – объяснил мне Сережик. – Тебе нравится управлять ими?

– С людьми сложнее, – покачал я головой. – Они подчиняются не мне, а тем правилам игры, которые я придумываю. Да и то не всегда. Зачастую история кончается совсем не так, как я планировал. И виноваты в этом персонажи, которые, забыв о том, что это я их создал, начинают жить своей собственной жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.